

Валерий Брюсов

Папство

Валерий Яковлевич Брюсов

Папство

«Взгляните на королей на смертном одре. Чтобы избежать ада, сбросить оковы грехов в день суда, они молят священников о помощи. А какой, не говорю священник, но мирянин обратится к королю, чтобы спасти свою душу?.. Духовенство, которое служит посредником между Божеством и впавшим в грех миром и в руках которого таинства, возрождающие мир, должно стоять на земле выше всего. Самая попытка царей, князей, людей светских отказаться от опеки Церкви внушена им диаволом, стоящим во главе всего государственного строя...»

Валерий Брюсов

Папство

«Взгляните на королей на смертном одре. Чтобы избежать ада, сбросить оковы грехов в день суда, они молят священников о помощи. А какой, не говорю священник, но мирянин обратится к королю, чтобы спасти свою душу?.. Духовенство, которое служит посредником между Божеством и впавшим в грех миром и в руках которого таинства, возрождающие мир, должно стоять на земле выше всего. Самая попытка царей, князей, людей светских отказаться от опеки Церкви внушена им дьяволом, стоящим во главе всего государственного строя».

Так писал, в XI веке, папа Григорий VII, знаменитый соперник германо-римского императора Генриха IV. Обе спорящие стороны стояли как бы в разных мирах. Императоры были в самой сутолоке жизни, там, где «делалась история», где решались судьбы народов. Церковь смотрела на эту земную юдоль с своей внеземной высоты. Для неё государственные события и мелкие семейные заботы любого частного человека были равны. Всё это было то, о чём сказано: «довлеет дневи злоба его». Церковь не хотела знать судьбы наро-

дов и государств, она знала только судьбу отдельных человеческих душ. Генрих IV, в жизни, был глава священной римской империи, средоточие тысячей волей, вершитель дел пол-Европы. Но перед Церковью был только Henricus rex Henrici filius (Король Генрих сын Генриха (лат.)), заблудившийся сын, которого надо было спасти от козней дьявола. Как бы ни выделялись среди людей красавцы, богачи, короли, гении, пред лицом Бога равны все. Различия людей – местные, земные; их равноценность – премирная, мистическая. Нищие духом и нищие властью, как мудрецы и владыки, имеют свою надежду на вечное блаженство. История спрашивает: велик ты или ничтожен? Духовник: в чём ты грешен? Полюсы истории – застой и прогресс; полюсы церкви – грех и святость. Императоры были представителями истории; папы – церкви.

Притязания папства – только конечные выводы из тех предпосылок, на которых зиждется весь католицизм. Он утверждает, что мирянам, мимо священников, нет пути к Богу. Священство утверждено Господом как посредничество между Богом и людьми.

Петру было вверено пасти овцы Христовы. Апостолам дана была власть «вязать и разрешать». Если отнять у священства эту власть, передаваемую через таинства, их служение обратится в простую службу, вроде, например, военной. Но вся жизнь христианина должна быть устремлением к Богу. На всех путях жизни, в низкой доле, как в великой, христианин должен искать одного – «подражания Христу». Нет разделения обязанностей светских и духовных. Как могут быть у человека, последовавшего за Христом, особые, вне христианского долга, дела?

На протяжении всей своей двухтысячелетней истории папство не изменяло своей точке зрения. Иные папы сознавали её яснее, другие смутно, третьи даже пытались сдвинуться с неё, но какая-то внутренняя необходимость, наперекор волям отдельных лиц, направляла сквозь века деятельность святого престола. Папы были людьми гениальными и ничтожными, святыми и развратными, – папство возвышалось и падало, но смысл его не изменялся.

В средние века папству давалась возмож-

ность реально осуществлять свои притязания. Обаяние Рима, связанное с воспоминанием о римской империи как о временах мира и благоденствия, возносило римского первосвященника на недостижимую высоту. То обстоятельство что папство было единственным международным учреждением во всей христианской Европе, распавшейся в дребезги феодализма и, однако, сознающей своё единство пред лицом Ислама, – делало из пап естественного главу всего христианского мира. Папы короновали «римских» императоров; папы руководили крестовыми походами; папы силой отлучения смещали династии... И такие папы, как Николай I, Григорий VII, Бонифаций VIII, со всей полнотой выставляли идею папского примата.

Новая история началась величайшими ударами папству. Вся Восточная церковь отрёклась от общения с Римом. Окрепшие государства отказались повиноваться папской воле. Возникла реформация. Но именно в эпоху величайшей опасности для самого существования папства был созван Тридентский собор. С особой обстоятельностью и решитель-

ностью он подтвердил все притязания папы и между прочим притязание на мировое владычество, на царствование над царями. Можно даже сказать, что именно в постановлениях Тридентского собора папство впервые сознательно противопоставило свои идеалы идеалам современности.

Революционное движение и Наполеоновская эпоха вырвали у католической церкви последние призраки её государственной власти. Папы принуждены были вступать в конкордаты со светскими правительствами, как с силами равными. Но syllabus Пия IX ещё раз провозгласил, что «основное заблуждение» нового времени – думать, будто в понятие государственной власти не входит религиозных элементов. Ватиканский собор 1870 года также не пошёл ни на какие уступки. Наконец, покойный Лев XIII, ставивший себе задачей примирение святого престола со светскими правительствами, в первой же своей энциклике, *Incmstabili*, торжественно подтвердил, что не отказывается ни от каких притязаний своих предшественников. Характерно для этого папы-дипломата, любившего

представляться покровителем наук, что он протестовал против постановки памятника Джордано Бруно.

Папство уже не может изменить своего пути. Двадцать веков за его спиной – это страшная тяжесть. Никакие человеческие силы не удержат этой лавины, катящейся по силе инерции. Всё равно, будет ли на папском престоле теперешний Пий X, или окажется бы какой-нибудь Лев XIV: судьба папства исполнится до конца.

«Июль 1903»